

Истористские практики в ситуации метамодерна*

А. А. Львов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Львов А. А.* Истористские практики в ситуации метамодерна // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2024. Т. 40. Вып. 2. С. 258–268. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2024.207>

Статья посвящена ответу на вопрос о концептуальной жизнеспособности метамодерна, пришедшего на смену постмодернистскому дискурсу, при этом фокус внимания сосредоточен на частном конкретном случае переосмысления истористских воззрений, все чаще возникающих в связи с задачей творческого обоснования теории истории. Обозначенную проблему предполагается решить, во-первых, показав, что метамодерновые практики актуализируют особого типа субъект, который может быть востребован в контексте истористского творчества, во-вторых, проанализировав, каковы будут стратегии выстраивания вновь возникающего истористского нарратива после критики проектов «больших историй», выдвинутой постмодерном. Тем самым мы стремимся проанализировать эпистемологический и эстетический аспекты историзма в ситуации метамодерна. Возвращение к принципам историзма на выстроенных современными авторами (Б. Латур, Г. Харман, Д. Харауэй и др.) основаниях кажется нам дискуссионным, поэтому особое внимание в статье уделено критике связанных с ними концептуальных проблем. В результате исследования мы приходим к следующим выводам: метамодерн требует возрождения особого субъекта, причем само возрождение с необходимостью связано с эстетическим переосмыслением субъекта, сформированного эпохой модерна и нейтрализованного постмодернистским релятивизмом. Далее, субъект метамодерна может быть описан как «мерцающий» в том смысле, что он не является готовым конструктом, а находится в постоянном становлении, проходя такие «узловые точки», в которых проявляется его обусловленность совокупностью обстоятельств настоящего. Наконец, эстетические инструменты, способствующие формированию метамодернового субъекта, позволяют также формировать и постисторические нарративы, в которых принцип событийности восстанавливает единство времени и пространства взаимодействия различных акторов.

Ключевые слова: историзм, метамодерн, постмодерн, модерн, эстетизация истории, постистория.

Введение. Постановка проблемы

К 1970-м годам сложилась хорошо известная по манифесту Ж.-Ф. Лиотара ситуация постмодерна, но она оказалась неустойчива: уже к началу XXI в. возникли сомнения в ее концептуальной продуктивности. На смену ей пришла ситуация метамодерна. Этот концепт стал предметом дискуссии среди гуманитариев с момента

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ, проект 21-18-00174 «Историзм как парадигма гуманитарных наук».

своего появления в 2010 г. С точки зрения создателей этого понятия, нидерландских исследователей Т. Вермейлена и Р. ван ден Аккена, метамодерн содержит в себе такие характеристики, как перформатизм и неоромантизм, которые, в свою очередь, отсылают нас к эстетизации существования и интерпретации собственного опыта в различных его аспектах. Одной из ключевых характеристик метамодерна называется становящееся отсутствие определенности во времени и пространстве [1]. Проблема в том, можно ли рассматривать такой проект как жизнеспособный, в частности с точки зрения переосмысления исторических воззрений, которые в последние время все чаще возникают в ключе творческих обоснований теории истории [2].

Можно приблизиться к обозначенной проблеме посредством решения следующих методологических задач: во-первых, показать, что метамодерновые практики актуализируют особого типа субъект, который может быть востребован в контексте исторического творчества; во-вторых, проанализировать, каковы будут стратегии выстраивания такого вновь возникающего исторического нарратива после критики проектов «больших историй», выдвинутой постмодерном. Таким образом, мы сосредоточимся в своем рассмотрении на эпистемологическом и эстетическом аспектах историзма в ситуации метамодерна. В заключение мы подведем итоги нашему исследованию, предварительно показав, в каких отношениях нам представляется концептуально проблематичным возвращение к принципам историзма на выстроенных современными авторами основаниях.

«Мерцающий» субъект метамодерна

Указанную стратегию метамодерна по неоромантическому стремлению к эстетизации существования вовсе не следует рассматривать как утонченный эскапизм. По сути своей такая тенденция в перспективе имеет пролонгацию бытия и времени и снятие их онтологических различий в фигуре *homo viator*. «Человек движущийся» выступает здесь в качестве вечного путника, или нового Агасфера, и являет собой новый вариант субъекта, предложенного метамодерном. Для такого существа безразличны какие бы то ни было его характеристики, ведь любая определенность воспринимается как творческий инструмент самопознания и самосозидания. Эссенциализм трансцендентальных установок, которым характеризовался прежний новоевропейский субъект (например, кантовское «конечное мыслящее существо» — см.: [3, с. 70]), не являются в данном случае релевантными. Тем не менее полагается, что все возможные определенности и характеристики субъекта могут быть зафиксированы, в том числе и им самим. Таким образом, получается, что, если постмодерн стремился диссоциировать субъекта как властную установку, то метамодернистские практики нуждаются в субъекте, который будет высвечивать собственные состояния, сам оставаясь «мерцающим», ускользающим от определенных (но тем не менее их предполагающим).

Такая характеристика субъекта метамодерна может быть противопоставлена двум предшествующим проектам, которые теперь воспринимаются классически. С одной стороны, мы имеем в виду фигуру субъекта эпохи модерна — назовем его «властным» субъектом. В таком случае указанная фигура будет характеризоваться тем, что какими бы разнообразными ни были ее стремления и как бы с ее помощью ни организовалось дискурсивное пространство, она выступает как

особое сосредоточение могущества (*die Macht*), понятое либо как знание, либо как воля к чему-то (в частном случае — как *die Wille zur Macht*), либо как истина и проч. Могущество следует трактовать именно в духе всепобеждающего и всеохватывающего разума человека, который сменяет Бога и посредством такого замещения переводит вселенскую иерархию смысла в горизонталь картины мира, необъятную в своей подвластной счету перспективе. Это же относится и к истории, которая раскрывается перед взором исследователя как европоцентристская летопись, обнаруживающая исключительные в своем становлении качества «белокурых бестий», покоряющих, а порой и уничтожающих различные народы и культуры. Повторим, что такая характеристика не претендует на объективное описание, но она является отражением тенденции к утверждению описанного выше «мерцающего» субъекта.

С другой же стороны, «диссоциированный» субъект эпохи постмодерна характеризуется принципиальной рассредоточенностью, отказом от смыслообразующего центра, ироничным отношением ко всему тому, что уже было создано в культуре и истории как к предметам (пере)сборки. Подобное безграничное и неостановимое творчество касается как того, что прежде полагалось «объективным» (возраст, пол, этнос, традиция и проч.), так и того, что мыслилось как «субъективное» (предпочтения, вкусы, убеждения, смыслы и проч.). Постмодерн продемонстрировал принципиальную ситуативность этих определений, объявив их социальными конструктами. Весь мир в таком случае предстает как нескончаемый калейдоскоп возможностей, упраздняющий всякие представления о необходимости и обоснованности культурных характеристик, исторических особенностей развития общества, в конечном счете — о независимости деятелей и событий истории от современных критериев истинного, правильного и справедливого. В результате ничто не ускользает от претензий проекта постмодерна на нескончаемую современность: если все находится в постоянном процессе пересмотра и деконструкции, то история пишется *hic et nunc*, и все так или иначе подпадает под тоталитарные взгляды Аргуса региональных онтологий. Итак, провозглашенная диссоциированность субъекта оборачивается тем, что коллективные субъективности исключаются как из процесса осмысления на теоретическом уровне, так и из процесса утверждения своих ценностей на уровне практическом — в соответствии с критикой М. Фуко проекта биополитики [4].

Из сказанного следует, что идеальным субъектом метамодерна можно было бы считать киборга. Мы имеем в виду концепт, введенный в горизонт философского рассмотрения Д. Харауэй в ее «Манифесте киборгов» в 1985 г. [5]. Для Харауэй киборг — это идеальная метафора человека, вышедшая по ту сторону всяких обобщений или определений. Киборг представляет собой и особую метаформу: человек создает робота, но в роботе он обнаруживает самого себя как *tabula rasa*. Это означает, что именно киборг требует от человека (само)идентификации, т. е. создания своего собственного нарратива. Однако этот нарратив вовсе не обязательно понимается как исторический. Напротив, налицо многообразие постисторических практик описания себя, в рамках которых собственная наша идентификация может совпадать лишь с нашими убеждениями, а не с нашим реальным опытом прошлого [6, р. 303]. Идентификация в таком случае выстраивается на основании творческого, эстетического формирования собственного «коллективного субъекта» как произвольного нарратива. В этом смысле постисторическая ситуация одновременно предстает в качестве пространства возможностей выстраивания себя, или, по

словам У. Майклза, «в постистории мы верим в свои убеждения не потому, что у нас есть основания считать их истинными, а потому, что нам есть что рассказать о том, как они стали нашими. В постистории нам не нужны идеологии, у нас есть культуры; в постистории нам не нужны “абстрактные цели”, у нас есть мы сами» [7, р. 19].

Примечательно, что эстетизация исторического опыта противоположна механизму формирования представлений об исторической ответственности или исторической травмы. Новоевропейский субъект был устойчив по отношению к объективному историческому процессу, а потому на нем оставались особые отметины истории — шрамы, травмы, маркеры того, «что было на самом деле» (говоря словами Л. фон Ранке). Однако метамодерновый субъект не является таким, для которого свойственна объективистская позиция. На уровне «первого лица» метамодерновые практики обращены к выстраиванию субъекта осознанного [8], создающего собственные идентичности и счастье [9], стремящегося к мудрости и ответственности [10]. Предполагается, что все эти качества были утрачены в развешивающей среде постмодерна, который объявил войну любым формам синтеза в пользу деконструкции. Что же происходит на уровне «третьего лица», или того, что исследователи называют постисторией?

Как создается постисторический нарратив

На уровне постистории обнаруживается закономерная эстетизация исторического опыта, и альтернативой опыту исторической ответственности и исторической травмы становится спектакулярное, т. е. характерное для общества спектакля (в смысле Г. Дебора), восприятие истории. Человек не рассматривается как данность, он оказывается включен в игру постоянного удержания прошлого и будущего как событийности, определяющей его *hic et nunc*. В связи с этим вспомним, что уже в 2015 г. Т. Вермейлен и Р. ван ден Аккен вернулись к теоретическому осмыслению своего концепта «метамодерн» и указали, что метамодернистская эстетика укоренена в «философии истории Канта, в которой она (эстетика. — А. Л.) движется собственно ради движения, предпринимая попытки, несмотря на неизбежный провал; она все время ищет истины, которую никогда не надеется найти» [11, р. 66]. В этом, с нашей точки зрения, проявляется присущий и констатированный многими исследователями и авторами романтизм, для которого конечный результат художественного творчества также означал гораздо меньше, чем сам творческий процесс. В частности, упомянутый в статье Вермейлена и ван ден Аккена провал, на который обречены поиски метамодернистской эстетики, воспринимается как важный, если не определяющий элемент эстетического поиска. Кроме того, интересной особенностью, также роднящей метамодерн с романтизмом, является поиск дома, легитимированная ностальгия, требующая возвращения к модернистскому субъекту как особому модусу существования: «Метамодернистская поэтика использует критическую и продуктивную ностальгию — в этимологическом смысле, тоску по дому, — которая реактивирует политический потенциал модернизма» [12, р. 74].

В свете сказанного можно утверждать, что в ситуации постисторизма происходит сдвиг с вопроса о том, в чем наши убеждения, на то, кем мы сами по себе являемся. Инструментальный характер «созидания себя», возвращение к эстетике существования, артикулированные модернистским искусством, находят выход в сфере поли-

тического — неперенный семантический фон любой постмодернистской критики. При этом метамодерн рассматривается как «стратегия третьего пути» по отношению к крайностям модерна и постмодерна. Любопытным примером интерпретации метамодернового подхода к праву является тезис председателя Конституционного суда РФ В. Д. Зорькина: «Концепт права метамодерна, поднимающийся и над правом модерна, и над постмодернистскими типами правопонимания, предлагает более емкое осмысление правовых ценностей. Он должен вобрать в себя представления о человеке как о высшей ценности. Это должен быть не абстрактный индивид, а живой человек, являющийся представителем конкретного социума, члены которого соединены общей судьбой на своей земле» [13]. Таким образом, отвергаются разработанные в рамках либеральной традиции интерпретации человека в индивидуалистическом русле; человек понимается в связи с теми исторически-ценностными данностями, которые его определяют как представителя социума, т. е. как того, кто вбирает в себя все атрибуты, присущие его сообществу как коллективному субъекту, и определяет свои ценности как традиционные. Противопоставление метамодернового подхода постмодернистскому и модернистскому основано на том, что метамодерн имеет потенциал отказа от крайностей нигилизма и политико-правового цинизма первого и стремление к глобализации и унификации политико-правового опыта второго. Необходимо отметить, что представления об общей судьбе у членов такого сообщества формируются в том числе и при помощи эстетических инструментов — от изучения в школе вершин национальной литературы до участия в национальных праздниках, символических торжествах и т. п.

Постисторический нарратив может быть понят как преодоление сложившейся к 1980–1990-м годам европоориентированной практики разнообразных отрицаний под знаком «пост-», в которых «неассимилированное прошлое влияет на настоящее, а настоящее задним числом переписывает прошлое» [14, р. 152]. Успех такого предприятия связывается и с применением консолидирующих мифопоэтических средств к организации разрозненных элементов исторического опыта человеческих сообществ как событийного ряда. Таким образом, из гетерогенной исторической реальности выстраивается насыщенный смыслами событийный постисторический мир. Следует, однако, заметить, что такой субъект сам становится субъектом-«монадой», который сосредоточивает в себе характеристики своего эстетизированного постисторического жизненного мира. Однако событийность, понятая в духе Г.-Г. Гадамера, является фундаментальной предпосылкой для успешной коммуникации субъектов-«монад»: «...Смысл сопричастности <...> реализуется в форме общности основополагающих и несущих пред-рассудков — заранее сложившихся суждений» [15, с. 79]. Она позволяет сформировать коллективный субъект на принципах солидарности, о которой как о движущем коммуникативном факторе писал Р. Рорти [16].

С другой стороны, возрождая субъект, нужно уметь избежать субъективизма. Проект объект-ориентированной онтологии Г. Хармана является примером тому, как это возможно при создании новых исторических нарративов. Такой подход позволяет рассматривать все элементы, обуславливающие событийность здесь и сейчас, в качестве однородных объектов. Предложенная Харманом «модель симбиоза» является эффективной моделью для описания равноправных и равнозначных в историческом дискурсе инстанций, или агентов, которые и формируют историческое как таковое. При этом каждый из этих агентов рассматривается в метамодер-

нистском духе постоянного становления, а значит, обладает статусом описанного выше «мерцающего субъекта»: «Модель симбиоза предполагает, что обе привычные альтернативы неверны: объекты не имеют ни вечного характера, ни номиналистического набора “перформативных” идентичностей, которые смещаются и мелькают с течением времени. Напротив, мы должны думать, что объект проходит несколько, но не много поворотных точек в своей жизни» [17, р. 47]. Современные исследователи взяли этот подход на вооружение — в частности, перспективными оказываются попытки переосмысления темы личности в истории, поскольку заданное Харманом понимание социальных симбиозов как форм взаимодействия объектов с одинаковым онтологическим статусом не исключает значимость деперсонализированных социальных процессов и феноменов [18].

Создание условий для существования такого эстетического собранного субъекта истории оказывается не чем иным, как утверждением двух параллельных процессов. С одной стороны, мы предполагаем наличие объективно разворачивающегося во времени и пространстве исторического процесса — другой вопрос, предполагаем ли мы его бессознательно, утверждаем или стремимся его опровергнуть. Исторический процесс понимается как субстанциальный, например, имеющий свой источник, смысл или направление. С другой стороны, возникает задача по осмыслению некоего процесса, исторической фигуры или события — для этого формируется целый арсенал инструментов, позволяющий представить предмет нашего исследования во всей возможной целокупности взаимосвязей обуславливающих его процессов, акторов, объектов и т. п. Такой тип исторического исследования предполагает, что его предмет проявляется в некоторых обусловленных совпадением различных обстоятельств и сил «узловых точках», и эти-то «узловые точки» позволяют говорить о том, что мы изучаем нечто, данное через его разнообразные проявления.

«Мерцающий» субъект в данном случае выступает в качестве принципиально несводимого к какому-то существу конгломерата определений. Если прежде говорили о том, что жизнь человека определяется в свете наивысших его достижений или, наоборот, ошибок, то теперь такие суждения не выражают сущности эстетизированных поисков историцизма. В связи с этим примечательна история Папы Римского Стефана II (понтификат: 23–25 марта 752 г.): он умер спустя два дня после избрания его понтификом Римской церкви, но не успел вступить в должность соответствующим образом. Долгие споры о том, считать или не считать его Папой Римским, пришли к тому, что Второй Ватиканский собор в 1961 г. постановил не включать его имя в список понтификов, и всем папам с именем Стефан, идущим после Стефана II, была присвоена двойная нумерация. Несмотря на то, что по сути мы имеем дело с выбранным папой, тем не менее его жизнь не рассматривается по высшему ее достижению, а само событие избрания становится рядовым в перечне других событий его жизни, а также посмертному влиянию, проявившемуся при выборе ими имени и их дальнейшей нумерации в историографии Ватикана.

Критические замечания

Впрочем, характерные для метамодернового поиски постисторического смысла несвободны от критики. Если нет онтологического различия между тем, что является литературным произведением, и тем, что является текстом «в широком

смысле», то возникает вопрос об онтологии самого онтологического статуса как литературного произведения, так и текста как такового. Каков в таком случае онтологический статус постисторической среды, в которой возникает описанный выше субъект-«монада»? Можно ли говорить об обусловленности его существования теми эстетическими средствами, которые его же вызвали к жизни, — иными словами, нельзя ли при помощи тех же эстетических средств достичь и иных, прямо противоположных целей? Нельзя ли сказать, например, что для всякого общества, которое никогда не может быть совершенно толерантно к чувству ресентимента или проблеме коллективной вины, сама опасность такого рода травмирующих переживаний несет положительное экзистенциальное переживание самого себя, а отказ от этих переживаний — идеологическую герметичность?

Предложенный нами в этой статье концепт субъекта-«монады» очевидным образом отсылает к идеям Г. В. Лейбница. Любопытным образом Лейбниц оказывается методологически востребован и у авторов, пишущих о постисторических стратегиях, таких как Б. Латур или Г. Харман [19, с. 89]. Однако само представление о неполноте актора истории, характерное для разработанной модели социального симбиоза, вступает в противоречие с обоснованным Лейбницем законом достаточного основания. Дело в том, что, как показал Ж. Делёз, истинным пропозициям, которые всегда являются (по Лейбницу) аналитическими, присуща событийность: «...Поскольку эта пропозиция истинная, то необходимо <...>, чтобы предикат “перейти Рубикон” <...> содержался в понятии Цезаря. Не в самом Цезаре, а в понятии Цезаря. Понятие субъекта содержит все, что с субъектом происходит, то есть все, что говорится о субъекте как истинное» [20, с. 26]. Соответственно, всякий актор должен концептуально разворачиваться в истории так же, как и понятие разворачивается в своих определениях на протяжении некоторого нарратива. В противном случае перед нами лишь прежняя постмодернистская языковая игра, которая принципиально бесконечна и по-кантовски «целесообразна без цели», но при этом лишена всякой определенности, кроме указания на собственные правила [21, с. 32–33]. Кроме того, в объектно-ориентированной онтологии, исповедующей равнозначность всех акторов исторического нарратива, мы видим определенное проявление нигилизма. Если все равны в своих потенциях создать сеть исторического нарратива, то можно ли говорить о том, что в истории мы находим борьбу ценностей и смыслов, что история — это подлинное проявление человеческого духа и его достижений, а не вялое перечисление совокупностей случившегося?

Указание на нигилизм позволяет нам перейти к обсуждению концепции киборга, предложенной Д. Харауэй. Исследователи отмечают, что на стремление Харауэй устранить картезианский антропоцентризм повлияли работы М. Хайдеггера, в частности его философский проект деконструкции [22]. Однако возникает вопрос о том, каков статус киборга, оказавшегося по ту сторону всяких присущих человеку различий и определений? Можно ли говорить о том, что определяющийся перед лицом киборга человек — это тот, в уме которого, как в уме бога-демиурга Платона, сохраняется парадигма, образец, по которому он, человек, сам сотворил себе подобный автомат? Если же это не так и киборг Харауэй — это то, что обезличивает человека в смысле творческого начала, создающего вызовы себе самому, то как можно далее обсуждать аргумент об эстетическом формировании постисторического нарратива?

Наконец, вызывают сомнения неоромантические претензии метамодерна в свете отказа от трансцендентного уровня истории и мира как такового. Если мы говорим о постоянном движении метамодернового субъекта, о творческом его самораскрытии, пусть и в череде провалов и неудач, на которые этот субъект обречен, все же мы не можем не задаться вопросом о векторе, задающем направление для этого стремления. Поздний романтик Ф. Ницше хорошо понимал, что провозглашенная им смерть Бога есть не что иное, как историко-культурное затруднение (а́топов), связанное с дальнейшими поисками того, кто займет это место вседержителя мира. Если же стремления «достичь небес и свергнуть Бога» (в формулировке Ш. Бодлера), пусть оно и обречено на неудачу, не возникает, то в чем же тогда заключается романтизм? Может ли такой романтизм быть локален, или регионален (в смысле региональных онтологий), в то время, как романтическое движение вплоть до начала XX в. не признавало ни границ государств, ни национальных традиций, ни местного образа жизни, но стремилось к утверждению своего могущества по переоценке ценностей из реализации своего собственного витального стремления?

Заключение

Подводя итоги нашему исследованию, можно сформулировать следующие тезисы. Во-первых, метамодерн, пришедший на смену постмодернистским практикам иронического переименования действительности, требует возрождения субъекта. Это возрождение обуславливается необходимостью эстетического переосмысления субъекта, сформированного эпохой модерна и нейтрализованного постмодернистским релятивизмом. Во-вторых, субъект метамодерна может быть описан как «мерцающий» в том отношении, что он не является неким готовым конструктом, чьи свойства и качества обладают трансцендентальным смыслом, а находится в постоянном становлении, проходя определенные «узловые точки», в которых он проявляется как обусловленный совокупностью обстоятельств здесь и теперь. Ясно, что в таком случае мы имеем дело не столько с исторической определенностью соответствующих действий и событий, сколько с постисторической обращенностью субъекта на самого себя. В-третьих, эстетические инструменты, способствующие формированию метамодернового субъекта, позволяют также формировать и постисторические нарративы, в которых принцип событийности восстанавливает единство времени и пространства взаимодействия различных акторов. Дальнейшие исследования должны будут прояснить эпистемологические и эстетические основания постисторического нарратива метамодерна.

Литература

1. Vermeulen, T. and Akker, R. van den. (2010), Notes on metamodernism, *Journal of Aesthetics & Culture*, vol. 2 (1). <https://doi.org/10.3402/jac.v2i0.5677>
2. Дьяков, А. В. (2023), На пути к новому историзму, или Назад в будущее: от истории-травмы к антикварной истории, *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия*, № 2 (48), с. 20–23.
3. Кант, И. (2008), *Критика чистого разума*, СПб.: Наука.
4. Koljevic Griffith, B.N. (2022), Foucault's biopolitics as neoliberalism and the twenty-first century, *Философия истории философии*, т. 3, с. 327–340.
5. Schneider, J. (2012), Haraway's Viral Cyborg, *Women's Studies Quarterly*, vol. 40, no. 1/2, pp. 294–300.

6. Rothberg, M. (2006), Against Zero-Sum Logic: A Response to Walter Benn Michaels, *American Literary History*, vol. 18 (2), pp. 303–311.
7. Michaels, W. B. (1996), Posthistoricism, *Transition*, vol. 70, pp. 4–19.
8. Скляр, А. В. (2020), Философия осознанности в обществе метамодерна как способ преодоления феномена «массового человека», *European Journal of Humanities and Social Sciences*, no. 3, с. 159–165.
9. Пискарев, П. М. (2019), Homo beatus — человек метамодерна, *Власть и общество*, № 8 (8), с. 4–12.
10. Коромыслов, В. В. (2020), От «свободы» постмодерна к ответственности и мудрости метамодерна, *Международный научно-исследовательский журнал*, № 3–2 (93), с. 91–94.
11. Vermeulen, T. and Akker, R. van den (2015), Utopia, Sort of: A Case Study in Metamodernism, *Studia Neophilologica*, no. 87, pp. 55–67.
12. Brunton, J. (2018), Whose (Meta)modernism?: Metamodernism, Race, and the Politics of Failure, *Journal of Modern Literature*, vol. 41 (3), pp. 60–76.
13. Зорькин, В. Д. (2019), Право метамодерна: постановка проблемы, *XI Петербургский международный юридический форум*. URL: <https://pravo.ru/lf/opinion/211536/> (дата обращения: 22.10.2023).
14. Gwyer, K. (2015), Beyond Lateness? “Postmemory” and the Late(st) German-Language Family Novel, *New German Critique*, no. 125, pp. 137–153.
15. Гадамер, Г.-Г. (1991), О круге понимания, в: Гадамер, Г.-Г., *Актуальность прекрасного*, М.: Искусство, с. 72–82.
16. Боднар, Е. А. (2019), «Интерсубъективность» Ю. Хабермаса и «солидарность» Р. Рорти, *Гуманитарный акцент*, № 2, с. 19–23.
17. Harman, G. (2016), *Immaterialism. Objects and Social Theory*. Malden, MA: Polity Press.
18. Кшевин, Н. В. Потапчук, В. И. (2020), Оценка роли Теодора Рузвельта в подписании Портсмутского мирного договора в контексте объектно-ориентированной онтологии, в: *Межкультурный диалог в пространстве стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Материалы III Международной студенческой научно-практической конференции*, Хабаровск, с. 14–24.
19. Корниенко, А. Г. (2023), Принцип историзма как критический инструмент современной социологии науки, в: *Человек, интеллект, познание. Материалы XXI Международной конференции молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук*, Новосибирск, с. 88–90.
20. Делёз, Ж. (2015), *Лекции о Лейбнице. 1980, 1986/87*, М.: Ад Маргинем Пресс.
21. Лиотар, Ж.-Ф. (1998), *Состояние постмодерна*, М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя.
22. Rae, G. (2014), The Philosophical Roots of Donna Haraway’s Cyborg Imagery: Descartes and Heidegger Through Latour, Derrida, and Agamben, *Human Studies*, vol. 37, no. 4, pp. 505–528.

Статья поступила в редакцию 23 декабря 2023 г.;
рекомендована к печати 26 апреля 2024 г.

Контактная информация:

Львов Александр Александрович — канд. филос. наук, доц.; a.lvov@spbu.ru

The Practices of Historicism in Metamodern Condition*

A. A. Lvov

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Lvov A. A. The Practices of Historicism in Metamodern Condition. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2024, vol. 40, issue 2, pp. 258–268. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2024.207> (In Russian)

The paper answers the question, if metamodern, which replaced the postmodern discourse, is conceptually viable. The discussion is focused on a particular case of rethinking the Historicist

* This article was prepared with the financial support of the Russian Scientific Foundation, project 21-18-00174 “Historicism as a Paradigm of the Humanities”.

views that are increasingly arising in connection with the task of creative justification of the theory of history. This problem is supposed to be solved, first, by showing that metamodern practices actualize a special type of subject that can be demanded in the context of creative attitude to history, and second, by analyzing what the strategies of constructing a newly emerging historicist narrative will be after the critique of the projects of 'big stories' put forward by postmodernity. By doing so, we aim to analyze the epistemological and aesthetic aspects of historicism in the metamodern condition. The return to the principles of Historicism on the grounds constructed by contemporary authors (B. Latour, G. Harman, D. Haraway, etc.) appears to be debatable, so the article pays special attention to the criticism of the conceptual issues and aspects associated with them. As a result of the study, we come to the following conclusions: metamodern requires the revival of a special subject, and the revival itself is by default connected with the aesthetic rethinking of the subject formed by the modern era and neutralized by postmodern relativism. Further, the metamodern subject can be described as 'flickering' in the sense that it is not a ready-made construct, but is in constant formation, passing through such 'nodal points' in which its conditioning by the totality of circumstances of the present is manifested. Finally, the aesthetic instruments that contribute to the formation of the metamodern subject also make it possible to form post-historical narratives, in which the principle of eventuality restores the unity of time and space of interaction between different actors.

Keywords: historicism, metamodern, Postmodernism, Modernism, aestheticization of history, post-history.

References

1. Vermeulen, T. and Akker, R. van den. (2010), Notes on metamodernism, *Journal of Aesthetics & Culture*, vol. 2 (1). <https://doi.org/10.3402/jac.v2i0.5677>
2. Dyakov, A. V. (2023), Toward a New Historicism, or Back to the Future: from history-trauma to antiquarian history, *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya*, no. 2 (48), pp. 20–23. (In Russian)
3. Kant, I. (2008), *The Critique of Pure Reason*, St Petersburg: Nauka Publ. (In Russian)
4. Koljevic Griffith, B.N. (2022), Foucault's biopolitics as neoliberalism and the twenty-first century, *Philosophy of the History of Philosophy*, vol. 3, pp. 327–340.
5. Schneider, J. (2012), Haraway's Viral Cyborg, *Women's Studies Quarterly*, vol. 40, no. 1/2, pp. 294–300.
6. Rothberg, M. (2006), Against Zero-Sum Logic: A Response to Walter Benn Michaels, *American Literary History*, vol. 18 (2), pp. 303–311.
7. Michaels, W. B. (1996), Posthistoricism, *Transition*, vol. 70, pp. 4–19.
8. Sklyar, A. V. (2020), Philosophy of mindfulness in metamodern society as a way of overcoming the phenomenon of "mass man", *European Journal of Humanities and Social Sciences*, no. 3, pp. 159–165. (In Russian)
9. Piskaryov, P. M. (2019), Homo beatus — a metamodern man, *Vlast' i obshchestvo*, no. 8 (8), pp. 4–12. (In Russian)
10. Koromyslov, V. V. (2020), From postmodern "freedom" to metamodern responsibility and wisdom, *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, no. 3–2 (93), pp. 91–94. (In Russian)
11. Vermeulen, T. and Akker, R. van den (2015), Utopia, Sort of: A Case Study in Metamodernism, *Studia Neophilologica*, no. 87, pp. 55–67.
12. Brunton, J. (2018), Whose (Meta)modernism?: Metamodernism, Race, and the Politics of Failure, *Journal of Modern Literature*, vol. 41 (3), pp. 60–76.
13. Zor'kin, V. D. (2019), Metamodern law: framing the problem, in: *XI Peterburgskii mezhdunarodnyi iuridicheskii forum*. Available at: <https://pravo.ru/lf/opinion/211536/> (accessed: 22.10.2023). (In Russian)
14. Gwyer, K. (2015), Beyond Lateness? "Postmemory" and the Late(st) German-Language Family Novel, *New German Critique*, no. 125, pp. 137–153.
15. Gadamer, H.-G. (1991), On the circle of understanding, in: Gadamer, H.-G., *The relevance of beauty*, Moscow: Iskusstvo Publ, pp. 72–82. (In Russian)
16. Bodnar, E. A. (2019), "Intersubjectivity" by J. Habermas and "solidarity" by R. Rorty, *Gumanitarnyi aktsent*, no. 2, pp. 19–23. (In Russian)

17. Harman, G. (2016), *Immaterialism. Objects and Social Theory*. Malden, MA: Polity Press.
18. Kshevin, N. V. and Potapchuk, V. I. (2020), Assessing Theodore Roosevelt's role in the signing of the Portsmouth Peace Treaty in the context of object-oriented ontology, in: *Mezhkul'turnyi dialog v prostranstve stran Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona. Materialy III Mezhdunarodnoi studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Khabarovsk, pp. 14–24. (In Russian)
19. Kornienko, A. G. (2023), The Principle of Historicism as a Critical Tool of Modern Sociology of Science, in: *Chelovek, intellekt, poznanie. Materialy XXI Mezhdunarodnoi konferentsii molodykh uchenykh v oblasti gumanitarnykh i sotsial'nykh nauk*, Novosibirsk, pp. 88–90. (In Russian)
20. Deleuze, G. (2015), *Lectures on Leibniz. 1980, 1986/87*, Moscow: Ad Marginem Publ. (In Russian)
21. Lyotard, J.-F. (1998), *The Postmodern Condition*, Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii; St Petersburg: Aleteiia Publ. (In Russian)
22. Rae, G. (2014), The Philosophical Roots of Donna Haraway's Cyborg Imagery: Descartes and Heidegger Through Latour, Derrida, and Agamben, *Human Studies*, vol. 37, no. 4, pp. 505–528.

Received: Desember 23, 2023

Accepted: April 26, 2024

Author's information:

Alexander A. Lvov — PhD in Philosophy, Associate Professor; a.lvov@spbu.ru